

ММ

Николай ПОДОСОКОРСКИЙ

📍 Великий Новгород, Россия

Фото: из личного архива автора

Историк культуры, литературный критик, эссеист, книжный обозреватель. Окончил истфак Новгородского университета. Кандидат филологических наук.

Публиковался в журналах «Вопросы литературы», «Новый мир», «Знамя», «Вестник Европы», «Дружба народов», «Волга»; сетевых изданиях «Горький», «Гефтер», «Континент», Colta.ru, «Literratura», «Формаслов»; «Учительская газета» и др.

Лауреат премии журнала «Вопросы литературы» (2011); независимой литературной премии «Дебют» (2015) в номинации «эссеистика»; премии «Блог-пост. Лучший книжный блог года» (2019) в номинации «Лучший книжный Stand-alone-блог»; премии Роспечати, Российского книжного союза и журнала «Книжная индустрия» «Ревизор» (2020) в номинации «Блогер года»; гуманитарной и книгоиздательской премии «Книжный червь» (2020) в номинации «Urbi et orbi» – «За верность просветительству, за старое вино книги в новых мехах современных медиа»; премии журнала «Знамя» (2023).

Автор многочисленных научных и литературно-критических трудов, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского и русской литературе XIX–XXI веков.

В № 2 (6) за 2024 год «Тайных троп» опубликована рецензия «Власть Ботинок, или Диктатура Антониу Салазара», в № 4 (8) – рецензия «“Изменить мы этого не можем”?», в № 1 (9) за 2025 год – «Малютка-жизнь Елены Холмогоровой».

«Полуморские истории» Сергея Яковлева

Яковлев С. А. Полуморские истории: рассказы. // Ж-л «Звезда», 2025, № 4.

Новая подборка рассказов Сергея Яковлева «Полуморские истории», опубликованная в апрельском номере журнала «Звезда» за 2025 год, представляет собой лишь часть большого художественного полотна, края и размер которого нам пока не видны, но и по этим, а также другим, ранее изданным его «кусочкам» (см., к примеру, подборки рассказов Яковлева в журнале «Знамя», 2024, №№ 4 и 9), можно составить некоторое представление о всём цикле, его цели и направлении (и хочется верить, что он в обозримой перспективе всё же воплотится в полноформатную книгу о плавании автора по морю житейскому: с его раннего детства, выпавшего на 1950-е годы, и до наших дней).

О чём написаны «Полуморские истории»? В первой, которая названа «Три копейки», автор со свойственным ему мягким юмором размышляет об относительной стоимости денег.

«Три копейки – много это было или мало? В 1970-х столько стоил проезд на трамвае...», –

так начинается трагикомичная история о ленинградском курсанте, которому экономия на проезде обошлась довольно дорого. Если вспомнить одноимённый рассказ Михаила Булгакова (его «Три копейки» вышли в 1924 году), то там столкновение с системой так же оборачивается своего рода *разоблачением* героя. У Булгакова погрязший в кредитах старший стрелочник станции Орехово получает от плательщика, за вычетом своего долга, всего три копейки вместо жалованья, после чего отдаёт их другим нуждающимся из очереди, а вслед за этим раздаёт свою одежду и даже предлагает взять голого себя «на бюст». Деньги и одежду его при этом охотно разбирают, но самого «на бюст» брать категорически отказываются, мотивируя это тем, что он на бюст «непохожий». Заканчивается диалог пролетариев на идеалистической ноте:

«— Куды ж поедешь в таком виде?

— Никуды я не поеду, — ответил стрелочник, — посижу до следующего месяца. Авось начнут вычитать по-человечески. Как указано в законе».

Герой рассказа Яковлева экономит на проезде уже не от крайней бедности, а потому что считает «досадным терять лишнее», в результате чего лишается не трёх копеек, а предательски выдающих его усов, «любовно отрациваемых никак не меньше полугода». Тем не менее в поиске человеческого измерения в разного рода государственных институциях курсант 1970-х схож со стрелочником 1920-х.

Ещё более столкновение с бездушной системой эпохи застоя обнаруживает себя в истории «Паспорт моряка»:

«В начале 1970-х годов атмосфера Ленинграда, которым тогда руководил некто Романов, была весьма затхлою. Что уж говорить об училище, готовившем моряков заграничавания, — там идеологический надзор и контроль был утроен. Время-то крутое: только-только подавили танками Пражскую весну...».

Автор в частности вспоминает, как внезапно, не будучи диссидентом, решил проявить недопустимое вольномыслие на безальтернативных выборах депутатов Верховного Совета СССР (зайти в закрытую кабинку и вычеркнуть в бюллетене единственного кандидата), требуя того же, что и упомянутый выше булгаковский стрелочник: соблюдения действующего закона. В итоге шалость, которая могла иметь серьёзные последствия, всё же осталась безнаказанной. Как рассуждает Яковлев:

«Люди тогда, что ли, были лучше? Мягче и человечнее. Они к тому времени действительно устали, разуверились, потеряли в жизни опору, но многим почему-то было стыдно. Партийными начальниками, какими-нибудь секретарями парткомов назначали уж непременно самых тупых и бессовестных, пьяниц, трепачей, это была их вотчина, и большинство так и глядело на них к тому времени — с презрением, как на жалких комедиантов. Идеологии уже не было нигде, в душах пустота, но лжи ещё стыдились, и откровенный наглый цинизм не был в моде, и лицемерие оставалось профессиональным клеймом карьеристов и аппаратчиков, на глазах теврявших авторитет...».

В третьей истории — «Русский мат» — автор вспоминает о своём так и не состоявшемся побеге на Запад от «тотального блуда и вранья», и здесь настоящим его поступком как раз и стал отказ от такого скоропалительного решения, ибо реальный Западный мир сам по себе никому не даёт свободы, в отличие, скажем, от русского мата, если уметь правильно им пользоваться. Умелое обращение с русским матом чем-то сродни грамотному употреблению алкоголя — и то, и другое сильно воздействует на психику и может как исцелить (в редких случаях), так и поработить (что бывает гораздо чаще) человека. Как отмечает писатель:

«Гнилость зависит, собственно, не от слов, от чего-то совсем другого. В разных обстоятельствах одни и те же слова могут звучать совершенно по-разному. Дело в естественности речи и подлинности вложенных в неё смыслов. Народ

у нас в целом правильный и не фальшивит. Так что русский мат – в некотором отношении способ выживания. Когда нет иных возможностей, случается, что именно самое неудобное для слуха слово доставляет ни с чем не сравнимое горькое блаженство долгожданного, пускай и на краткий миг, торжества справедливости».

Заключительный, четвёртый рассказ «Повариха» затрагивает проблему романтических отношений, страсти и адюльтера и несколько выбивается из всего миницикла странным финальным выводом:

«Тогда я, может быть, впервые осознал, что все люди без вины виноваты и все обречены на несчастье. Что мужчину и женщину создал не Господь, а сатана, и что мир куда-то движется и меняется (совсем по Марксу) только потому, что в нём царит зло».

Такая генерализация уместна как описание временного помрачения молодого героя в прошлом, но несколько озадачивает в качестве завершения всей журнальной подборки. Ведь автор и сам не раз показывает, что человек (с его счастьем и несчастьем) определяется вовсе не тем, что с ним *случается* на внешнем физическом и социальном пластах реальности, но тем, что он сам при этом делает и как ко всему относится.

В целом же «Полуморские истории» – это сильная, честная, умная, мужская (в хорошем смысле) проза, представляющая особый род автофикшена, заметно отличающаяся в лучшую сторону от большинства современных художественных произведений мемуарного типа, активно выдвигаемых в последние годы на разные литературные премии и порой даже получающих их. Истории Яковлева интересно читать, поскольку и сам он интересен и глубок как человек и при этом обладает тонкой наблюдательностью художника и умением посмотреть на себя и происходящее как бы со стороны. Вместо распространённого повсеместно унылого патологического самокопания в старых незалеченных травмах здесь есть желание автора показать свою жизнь такой, какой он её увидел, почувствовал, принял и переосмыслил.

Кроме того, в «Полуморских историях» нет ни малейшей попытки идти за модной повесткой, зачастую диктующей шаблонную форму и искусственно расставляющей триггерные точки ради быстрого и лёгкого успеха у публики с реактивным мышлением. Автор-герой не идеализирует себя, не противопоставляет окружающему миру, хотя и не пытается слиться с ним, не боится неудобных, смешных моментов, но и не стремится позабавить читателя или дать ему простые ответы на общие вопросы. Он просто рассказывает о своём частном опыте, который в чём-то может стать актуальным и для других. ☺